

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ: УТОПИЯ ИЛИ ЦЕЛЬ?

Введение. 1

Реформы и реформаторы – либерализм без человека 2

Победа без победителей 5

Некомпетентность на марше 7

От либерализма стихийного к либерализму социальному 10

Социальный либерализм: бытование термина 15

Перспективы социального либерализма в России: коммуникативная проблема 20

Введение.

Выборы-2003 обозначили конец старого общественно-политического ландшафта и начало формирования нового. Строительная площадка освободилась, но пока выгребают мусор, надо думать, каков будет **новый проект**, какие социальные силы заинтересованы в его реализации.

Когда заходит речь о том, что нужно нашей стране, в обществе наблюдается относительный консенсус. Но это консенсус теоретический, а не технологический. Все согласны, что противоречия между бедностью и богатством надо устранять. Но тут же происходит разделение на тех, кто надеется на их полное уничтожение, и тех, кто полагает, что сглаживание этих противоречий – процесс, в принципе окончательного решения не имеющий. И очень быстро выясняется, что сторонники радикального решения хотят, чтобы не было богатых, а сторонники иной точки зрения все-таки намерены искоренять бедность. Так вот мы полагаем, что **задачей является ныне поиск консенсуса относительно технологий решения острейших проблем модернизации России.**

Никто не спорит с тем, **что** нужно - нужно быть богатым и здоровым. А вот **как** этого достигнуть – об этом

и надо договариваться. Понимая, что абсолютное богатство и абсолютное здоровье все равно не достижимы.

Применительно к обществу вопрос «как?», прежде всего, означает «кто?». Это и есть центральный вопрос – кто будет субъектом развития России в ближайшие десятилетия.

Реформы и реформаторы – либерализм без человека

Создание рынка в современной России привело к коммерциализации видов деятельности, которые в странах с развитой рыночной экономикой бизнесом не являются: образовался бизнес при власти (исполнительная власть с низу до самого верха, Дума), судебный бизнес, бизнес, связанный с правовой защитой и безопасностью, религиозный бизнес, бизнес по идеологическому обслуживанию. При этом все эти виды бизнеса имеют теневой характер, при котором **коррупция играет системообразующую роль.**

Итогом прошедших десятилетий стало то, что вместо **социально-рыночной модели в стране возобладала модель посттоталитарно-рыночная**, в которой люди получают небольшую (за некоторыми исключениями) заработную плату, воруют, берут взятки, стараются (если это возможно) уходить от уплаты налогов, не доверяют государству и его представителям, стараются войти в сговор или дружеские отношения с чиновниками или подкупить их. В этой системе у людей нет и не может быть (ибо она на этом держится) системы защиты (прежде всего, судебной) - собственных прав, в первую очередь, прав собственности и прав труда. Да и право на жизнь - под большим вопросом.

И ответственность за это, в первую очередь, несет советская элита периода упадка. Именно развал коммунистической системы, основанной на лжи, привел к полной деморализации общества и его представителей. Из

коммунистической реальности большинство людей вышло без четких, а иногда и без всяких моральных ориентиров: грабить государственную собственность стало нормой, а часто – и доблестью.

Свой вклад в нынешнюю ситуацию внесли и реформаторы первой половины девяностых годов. О причинах их неудач сказано много:

«Конечно же по политическим убеждениям Гайдар и его друзья несокрушимые демократ, но в демократические идеологи и лидеры они не годились. Технократы не стремятся завоевать поддержку в обществе, объяснить людям, почему нельзя обойтись без тех или других болезненных мер, да и публичный дискурс они умеют вести только на своем профессиональном языке. Можно предположить, что социальные последствия рыночных реформ не могли быть в России существенно иными, чем они были. Но их политические и психологические последствия, возможно, были бы не столь тяжелыми, если бы власть попыталась вовлечь людей в дело реформ». (Г. Дилигенский)

Это не крайняя точка зрения. Если оставаться в рамках демократического дискурса, то здесь безусловным экстремистом выступает Григорий Явлинский, пытающиеся представить реформы как катастрофу. Мы же исходим из того, что действия гайдаровцев и поддержавшего их Бориса Ельцина катастрофу предотвратили. Страна получила первые уроки существования в рыночной среде. Уроки тяжелые и даже жестокие, но совершенно необходимые.

Однако, в самом деле, никто не объяснял больному, что лечение будет тяжелым и мучительным.

Вспоминается замечание Шатобриана о том, что новые идеи требуют нового стиля. И в литературе, и в общественной жизни. К сожалению, номенклатурный, причем номенклатурно-кабинетный советский стиль остался доминирующим в среде реформаторов. И, прежде всего, это проявилось в интеллектуальной и общественной закрытости. Либерализм реформаторов свелся к негативным лозунгам – ограничению вмешательства государства в экономику. И был подменен социальным дарвинизмом. Не делалось даже попыток преодолеть главное наследие тоталитаризма – атомизацию общества, которую невозможно заменить или компенсировать консолидацией вокруг власти. И уж совершенно очевидно, что реформаторы либо не знали, либо не поняли предостережения Макса Вебера, сделанного им в «Предварительных замечаниях» к «Протестантской этике»:

«Безудержная алчность в делах наживы ни в коей мере не тождественна капитализму, и еще менее того его духу. Капитализм может быть даже идентичным обузданию этого иррационального стремления, во всяком случае, его рациональному регламентированию».

Результатом стало разочарование российского общества в либеральных ценностях (свобода человека, свобода предпринимательства, рыночная экономика, в минимальной степени регулируемой государством, свободная пресса, демократия, ответственность человека перед обществом и др.). Либеральная риторика, которой сопровождалась реформы, стала вызывать раздражение. И на последних думских выборах партии, использовавшие эту риторику, потерпели поражение.

Победа без победителей

Чье-либо поражение далеко не всегда означает чью-либо победу. Это верно применительно к нынешней партии власти, которая постоянно меняет свое словесное (не идеологическое даже) оформление. Еще летом 2003 года «Единая Россия» называла себя консервативной партией, но при этом по ее собственному признанию сама не очень понимала, какой смысл вкладывается в это понятие:

«Идеология у нас есть – консерватизм. Но эта идеология не вербализована, мы не знаем, какие писатели нам наиболее близки, какие политические деятели являются нашими идеалами». (В. Сурков)

Судя по заявлениям и поведению «Единой России», консерватизм по-русски, сулит возврат к традиционному для России централизму, усилению влияния государства на все стороны жизни общества, включая, в первую очередь, экономику. Усиление государства происходит тоже по-русски - путем увеличения властных (в том числе, силовых) полномочий вплоть до прямого вмешательства в дела крупных компаний. Консерватизм в такой трактовке не означает консервацию сегодняшнего положения, а означает **возврат назад**.

Консерватизм по-русски появился в обществе с экономикой, которая слишком слаба для того, чтобы кормить не только разрастающееся, несмотря на все заявления об административной реформе, государство, но и множество бедных. У российских консерваторов основной акцент делается не на то, чтобы стимулировать саморазвитие экономики, а на перераспределение того немногочисленного, что уже накоплено.

Именно поэтому вопрос о перераспределении природной ренты в пользу общества стал одним из самых

раскрученных в предвыборных программах большинства партий. Перераспределение получаемых доходов, причем прямыми административными мерами, а вовсе не создание условий для роста национальной экономики и увеличения на этой основе средств на социальные нужды – главная тенденция нынешней стадии экономической политики российских властей.

Эта тенденция чревата хорошо известным по истории результатом: перекормленное государство при слабой экономике неизбежно сваливается в тоталитаризм.

Что касается «центристской» самоидентификации партии власти (подразумевающей, кстати, наличие оппонентов и справа, и слева), то она придумана для того, чтобы не давать ясный ответ на ясный вопрос о политических принципах и ценностных ориентациях, которые, тем не менее легко реконструируются.

С одной стороны, личность для нынешней власти вторична по отношению к государству, а с другой, государство порождает патерналистские ожидания, сулит имущественное выравнивание и социальную справедливость, но лишь для тех, кто отказывается от гражданской самостоятельности и равноправного диалога с властью. Таковы признаки лояльности, которая призвана подменить гражданственность.

Мы наблюдаем феномен посттоталитарного и потенциально неототалитарного популизма. Популизм может иметь временный успех, но он бесперспективен, ибо порождает общественную стагнацию. Он формирует претензии партии власти на роль партии общества, он способен паразитировать и на левой и на правой фразеологии. Он всеяден, но при этом нетерпим. На практике он подразумевает игнорирование общества как субъекта диалога.

Именно это оказывается общей чертой партии власти и реформаторов начала девяностых годов.

Некомпетентность на марше

Советская управляющая верхушка включала четыре важнейших компонента: «крепкие хозяйственники», чиновники, партийные функционеры и представители силовых структур. Соотношение сил между ними постоянно изменялось. Но силовики никогда не играли самостоятельной политической роли, а напротив, были лишь орудием в руках политиков. При этом в их среде культивировались чувства собственной непогрешимости, избранности, универсальности.

Составляющие советской элиты по-разному пережили годы либеральных реформ. «Крепкие хозяйственники» легко вписались в новый строй жизни, вытеснив демократов-романтиков первой волны как из бизнеса, так и с ключевых постов в госаппарате. Чиновники частью были рассеяны, частью перешли на службу новой власти, при этом перенесли в новый аппарат в ухудшенном виде все недостатки аппарата старого.

Партийные кадры также нашли свое место, став губернаторами, составив костяк столичной и региональной оппозиции.

По иному сложилась судьба силовиков. Большая их часть ушла из органов и либо осела в криминальных структурах, либо пошла на службу крупному бизнесу и банкам, которые стилистически и методически были близки криминальному миру. А часть осталась на госслужбе и готовила реванш.

Как и все политические клише, «силовики» - это отчасти легенда, но легенда, социологически верифицируемая. Наибольший интерес в этом отношении представляют работы Ольги Крыштановской, автора исследования «Анатомия российской элиты», сделавшей, в частности, такой вывод:

«Общеизвестно, что менеджмент «Росвооружения», «Газпрома», «Роснефти» в значительной степени представлен силовиками. Недавно созданные государственные РАО «Российские железные дороги» и «Российские коммунальные системы» тоже получили хорошую подпитку из людей в погонах». «2003 год — своеобразный рубеж, когда произошел разрыв связей между ставленниками КГБ—ФСБ в независимом бизнесе и их коллегами, работающими ныне в государственном управлении или государственных бизнес-структурах. Вопрос поставлен ребром: с кем ты? С олигархами и буржуями? Тогда ты предатель». «Для тех, кто считает себя оставшимся на службе, офицеры, ушедшие в олигархические структуры, теперь в лучшем случае отрезанный ломоть, в худшем — идеологические враги.

Настроения в среде государственников в погонах сегодня реваншистские. Политический реванш требует классовой самоидентификации и классовой ненависти. Как во время гражданской войны. Весь свободный бизнес объявлен классовым врагом нынешней военной бюрократии». (Новая газета, 4 декабря 2003)

В олигархическом российском капитализме силовиков устраивает всё, кроме имен олигархов. Нефтяной, газовый и вообще сырьевой бизнес представляется им простым и доходным, но так только кажется. По мере ухудшения условий добычи и возможного падения цен на сырьё эта сфера все менее будет соответствовать их устремлениям.

Уже сейчас очевидно, что успехи силовиков ведут к снижению уровня управления экономикой. Это стало ясно на примере новых губернаторов из генералов.

«Военные, которые пришли командовать регионами, тоже «обогатили» российскую историю. Офицер во власти, который замечательно разбирается в хозяйственных делах и окружает себя высокопрофессиональными консультантами и заместителями, — скорее исключение из общего правила. Люди, которые всю жизнь отдавали или исполняли приказы, не годятся для экономически сложных регионов. Невозможно построить всех жителей по ранжиру и железной рукой загнать их в «экономическое чудо». В регионах не окрик нужен, а творческое мышление и умение находить нестандартные ходы. Оттого социально-экономическое положение, например в Воронежской области, где губернаторствует бывший начальник областного УФСБ Владимир Кулаков, осталось практически на прежнем депрессивном уровне. Не лучшие дела обстоят и у его коллег: известного всей стране по чеченской кампании армейского генерала Владимира Шаманова, губернатора Ульяновской области, а также у генерала ФСБ Виктора Маслова, возглавляющего Смоленскую область. (О. Крыштановская, там же)

Для менеджмента силовиков характерны две основные черты: логика боя во всех предпринимаемых действиях и уверенность в своей причастности к некоему универсальному знанию, делающая в их глазах ненужным сотрудничество даже с профессионалами, не говоря уже о диалоге с обществом.

А главное в том, что силовики концентрируют худшие черты посттоталитарного рынка, успех на котором определяется близостью к власти. Они пришли для того, чтобы окончательно убедить общество: вся эта система является экономически неэффективной, социально

деградационной и, следовательно, бесперспективной - ведущей страну в тупик.

От либерализма стихийного к либерализму социальному

Общественная оценка человека в посттоталитарном обществе дается по степени его адаптированности к условиям тотального беззакония, когда коррупция и привластный бизнес процветают, а граждане облагаются дополнительным «серой данью». Причем посттоталитарный человек не признает своей вины ни за создание подобной системы, ни за свое участие в ее функционировании.

Именно такие люди, вынужденно приобретшие указанные неприятные черты, сформировали российский производительный класс. Который - даже если речь идет о публичных персонажах, - может быть назван **«подпольным производительным классом»**.

Те люди, которые за годы реформ заработали сколько-нибудь заметное состояние, особенно если они участвовали в приватизации, сегодня находятся под ударом. Собственность - от недвижимости до крупнейших компаний - в своей массе оформлена юридически безобразно. А это значит, что **подвешен целый класс**, в который входят не только предприниматели, но и чиновники, и государственные мужи, делавшие карьеры в девяностые годы.

Этот класс не может конституироваться, не может осознать свои общие интересы, не может легально финансировать политические партии. Но, как это ни парадоксально, именно этот круг людей, существующих дискретно, без осознания своей общности, может и должен стать социальным субъектом предстоящих перемен в стране.

Катализатором, способным ускорить самоидентификацию и консолидацию подпольного класса, может стать его столкновение с совсем уже «хомо советикус». Этот тип сейчас становится преобладающим во власти.

Выход из подполья, скорее всего, будет стимулирован серьезным внутренним кризисом, вызванном, возможно внешними причинами (хаос, порожденный террором и контртеррором, резким падением мировых цен на нефть и газ и т.п.). И потому уже сейчас приобретает огромное значение инициирование структурной перестройки экономики не только со стороны государства, но и со стороны активной и ответственной части общества. **Субъектом экономических преобразований должны стать сами люди, общество, а не государство.**

Представители «подпольного класса» могут быть названы **стихийными либералами**, а набор (не система) их взглядов **стихийным либерализмом**. За прошедшие годы они усвоили принцип опоры на собственные силы, сформировали общественные отношения эпохи раннего рынка и социального дарвинизма. Они весьма различны по своим имущественным, образовательным, даже мировоззренческим характеристикам, но объединяет их необходимость некоторой внутренней самоорганизации, преодоления социального одиночества, формирования такой системы ценностей, в которой существовали бы общепризнанные критерии успеха, общественной значимости их достижений, понимание взаимной ответственности как власти, так и общества.

Собственно, мы уже приступили к описанию содержания социального либерализма в нашем понимании. Для общественно-политических текстов подобного рода это обычная составляющая, которую можно назвать заклинательной частью документов подобного рода. В

самом деле, в сущности, все общественные силы совпадают в своих программах процентов на восемьдесят, давно уже сложился набор заклинаний и клише, без которых не обходятся ни политики, ни политологи. И потому необходимо сделать очень существенную оговорку.

Либеральные ценности невозможно внедрить в общество, выдвигая лишь рациональные доводы и делая заявления о превосходстве социально-либеральной модели. **Создание либеральных форм индивидуальности – это вопрос идентификации с либеральными ценностями.** Эти ценности, являясь стержнем личности, сами формируют личность и ее самосознание, образуя, в свою очередь, некие модели социального поведения и набор социальных требований, в основе которых лежит понимание того, что гарантией индивидуальной свободы и самого существования личности должна быть **свобода каждого гражданина.** С этого и начинается либеральная самоидентификация.

Переломный момент в развитии общественных настроений от социал-дарвинизма, войны всех против всех – это понимание того, что **личная свобода нуждается в общественных гарантиях.** Не только в государственных, конституционных, властных, но в и гарантиях, достигнутых в результате **общественной конвенции.** Граждан между собой и граждан с властью.

Содержанием социально-либеральной конвенции должно стать:

- Формировании действенных стимулов к успешному предпринимательству и упорному труду.
- Конкуренция, не стесненная никакими привилегиями, никакими особыми отношениями с властью.

- Дешевое государство, постоянно снижающее налоговое бремя и успешно справляющееся с такими функциями, как обеспечение свободной конкуренции, борьба с привилегиями и монополиями, контроль за соблюдением законности на местах, защита от внешней угрозы (в том числе от мирового терроризма), проведение общей экономической, кредитной, налоговой политики, контроль за рынками, где условия свободной конкуренции неосуществимы.
- Гарантия прав собственности и эффективная судебная и правоохранительная системы.
- Замена государственного и общественного патернализма социальным партнерством, которое начинается с преодоления неприязни между богатыми и бедными.
- Создание эффективных, качественно новых рабочих мест и развитие на этой основе массовой покупательной способности всех слоев населения. По достижениям на этом поприще должна формироваться общественная оценка предпринимателя.
- Обеспечение открытости элит, многозначности понятия жизненного успеха, создание условий для вертикальной социальной мобильности;
- Развитие экономических отношений на микроуровне, эффективное самоуправление. Передача ответственности за качество жизни на местах на элиту нижнего уровня (администраторов, предпринимателей, интеллигенцию) работающую в данном районе (городе);
- Обеспечение достойной жизни людям, которые без их собственной вины (старость, болезни,

увечья, сиротство и т.д.) не может принимать активного участия в процессе общественного производства;

- Формирование гражданской нации, преодоление всех форм национального и регионального сепаратизма и экстремизма.

Здесь перечислены разнородные элементы социально-либеральной модели общественного устройства. Но мы и не стремились к их упорядочению по традиционному принципу: «экономика – политика – социалка». Все эти элементы составляют систему, в этом смысле они равноправны и не могут существовать друг без друга.

Термин *«социальный либерализм»* наверняка насторожит человека, знакомого с российским и мировым политическим контекстом. Еще в 1995 году партия «Наш дом – Россия» поразила умы соотечественников, объявив своей идеологией *«государственный социальный либерализм»*. Совсем недавно брэнд *«социальный либерализм»* пытались освоить представители «Яблока» (С. Митрохин) и одного из социал-демократических образований (К. Титов). Замечены в этом были и Виктор Похмелкин, и Михаил Горбачев с Александром Яковлевым. Приверженность социальному либерализму аналитики обнаруживают у Тони Блэра и Арнольда Шварценеггера, у германских социал-демократов и французских радикалов. Социальный либерализм декларируется в качестве политической программы различными партиями и политиками на территории бывшего СССР – в Армении, Латвии, Молдове, Украине.

Однако в России ни демагогически, ни технологически социальный либерализм пока успеха не имел. Именно потому, что сводился к политическим заклинаниям и не был ориентирован на глубокие перемены в индивидуальной самоидентификации граждан. Исходя из

этого, и следует рассматривать современное бытование термина в России в сопоставлении с историческим опытом других стран.

Социальный либерализм: бытование термина

Определение либерализма столетней давности и сейчас не вызывает возражений. Вот как он описывался в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона 1904 г. издания:

«В области экономики либерализм – противник стеснения свободы торговли и свободы труда (противник фабричного законодательства и сторонник фритрейдерства). В области философии и религии – за полную свободу человеческому уму, свободы совести и свободы слова. В области государственного устройства – за конституционные порядки против абсолютизма, местное самоуправление – против централизации, свободу личности – против полицейской опеки, равноправие женщин, отмену сословных привилегий, участие народного элемента в отправлении правосудия, равномерное распределение налогового бремени (прямой подоходный налог)».

Однако уже в то время делались первые попытки перехода к социальному либерализму, связанные, в частности с именем Фридриха Наумана, писавшего:

«Либерализм должен выступать... за тарифные соглашения, за защиту рабочих, за все, что повышает значение каждого человека в массе служащих и рабочих».

Но тогда социальный либерализм так и остался теоретическим построением. А как технология он впервые проявился в США после кризиса конца двадцатых годов двадцатого века. Вот как пишет об этом один из ведущих российских американистов:

«Критическими, например, принято считать президентские выборы 1932 г. Им предшествовал глубокий экономический кризис, бросивший вызов двухпартийной системе США. Этот вызов был принят Демократической партией и ее лидером Ф.Д.Рузвельтом, решительно отвергшими многие традиционные для Америки экономические, социальные и политические постулаты. Кейнсианская программа экономического регулирования и социальные реформы обеспечили демократам поддержку рабочего класса и его организаций, а также расово-этнических меньшинств и значительной части городских и сельских средних слоев. Это была новая коалиция избирателей — сторонников социального либерализма, соединившего в себе индивидуалистические и коллективистские ценности. Социально-либеральная коалиция сохранялась до 1960-х годов, когда многие либералы стали переходить на консервативные позиции». (В. Согрин)

То был практический электоральный опыт социального либерализма. Иной была посттоталитарная западногерманская модель, реализованная в условиях оккупационного режима и ограниченного суверенитета. Ее автор Людвиг Эрхард говорил, что его учитель Франц Оппенгеймер называл свое учение либеральным социализмом. А Эрхард, по его собственным словам,

поменял местами прилагательное и существительное и показал «не сентиментальный, а реалистический путь».

Это чрезвычайно важная характеристика – социальный либерализм есть осуществленная на практике модель (технология), а не только концепт, теоретическое построение.

Разумеется, исторический опыт уникален и непереносим в другие эпохи и страны. Уникальность переживаемого нами времени состоит в том, что в России мы рассматриваем вопрос **о преодолении тоталитарного наследия в условиях его частичной реставрации.** Сейчас мы наблюдаем попытки возвращения к тоталитарным принципам отношений в триаде «личность – общество – государство». Причем ответственность за это лежит на всех политических силах. Только **практический синтез социальных и либеральных принципов** может остановить эту реставрацию и вывести страну к новым историческим перспективам.

В российском политическом и экспертном сообществах сложилось свое толкование понятия «социальный либерализм». Простейшим следует признать сведение его исключительно к **усилению роли государства** в социально-экономических отношениях:

*«В процессе своей идейной эволюции европейские либералы пришли к новой системе взглядов, которую в научной литературе принято называть **социальным либерализмом.** Смысл этой системы состоит в следующем. Построение свободного общества немислимо без участия государства, обеспечивающего перераспределение части общественного продукта в пользу слабых». (С. Митрохин)*

«В сознании россиян уже произошел синтез разнородных либеральных и "государственных" идей. Результат этого синтеза на общественно-политическом поле можно окрестить "социальным" либерализмом: он дополняет либеральные идеалы личной свободы признанием необходимости социальной ответственности и важности минимально необходимого государственного регулирования как стержня рыночных отношений».
(М. Делягин)

Подобная трактовка может быть названа этатистской. Ее важнейшей особенностью является то, что государство рассматривается не конкретно, не применительно к «здесь и сейчас», а как некая абстракция. Между тем реальное российское государство вызывает серьезные сомнения в способности грамотного рыночного регулирования в интересах большинства населения.

Присутствует и иная, отличная от этатистской, точка зрения.

«В отличие от «экономического либерализма» «социальный либерализм», напротив, делает акцент на человеке и обществе. Его кредо - развитие человеческой индивидуальности, равенство возможностей, обеспечение необходимых общественных благ. (Э.Днепров)

Актуальность концепта социального либерализма для современной России признается и политтехнологами, близкими к КПРФ:

«Сегодняшний разговор про «социальный либерализм» — иллюстрация процесса поиска

идеологии (а она должна быть левой по сути, чтобы быть популярной в народе) правыми». (И. Пономарев)

Наряду с термином «социальный либерализм» используется также термин «левый либерализм», рассматриваемый часто как синоним первого. У политологов, претендующих на роль идеологов правого либерализма, к либерализму левому отношение спокойное, но несколько высокомерное:

«Если посмотреть на «Яблоко» сквозь западные очки, то можно сказать, что это - левые либералы. Они - не социал-демократы, как иногда говорят их оппоненты для того, чтобы откинуть сторонников Явлинского совсем влево. Они - левые либералы. Беда только в том, что левый либерализм в качестве серьезной силы может существовать - как и социал-демократия, кстати, - только в уже развитой либеральной политической системе западного типа. В нашей ситуации, когда на социальный конфликт накладывается цивилизационный, положение сторонников этой идеологии оказывается довольно неопределенным, поскольку качественное отличие левых либералов от правых, т.е. леволиберальных западников от западников праволиберальных, широкий избиратель еще не в состоянии уловить». (А. Кара-Мурза)

В этом рассуждении присутствует весьма существенное признание – левый либерализм есть атрибут развитого демократического общества. Не вступая в спор с этим тезисом, следует все-таки признать, что продвижение концепта социального либерализма возможно пока в узком элитарном кругу **московской и региональной интеллектуальной элиты.**

Перспективы социального либерализма в России: коммуникативная проблема

Кроме подпольного производительного класса к числу возможных носителей социального либерализма относятся те социальные группы, которые связаны с производством интеллектуальных продуктов. Прежде всего, это часть элиты, претендующая на роль нового интеллектуального класса, разрабатывающего стратегические общественные решения. Пока новый интеллектуальный класс ценностно индифферентен. Он замкнут на себе и, как ему кажется, на обслуживании власти, но совершенно не озабочен своей общественной востребованностью. Уже наметившиеся перемены в отношениях с властью будут принуждать эту социальную группу к поискам адекватного идеологического и политического позиционирования.

Другой потенциальный резерв социального либерализма – так называемая новая экономика, порожденная новейшими информационными технологиями, которые сами по себе не несут никакой общественно-ценностной нагрузки. Они с равным успехом могут служить и демократии, и тоталитаризму. Далеко не демократические и не либеральные страны Юго-Восточной Азии одними из первых совершили технологические революции. Так что прямой связи между «новой экономикой» и либеральными ценностями нет. Более того, во всем мире давно уже обсуждается проблема высокотехнологичного тотального контроля над личностью, актуальна эта проблема и для России. Но еще более острым является вопрос об адекватности нынешней власти задачам технологического развития страны. При сохранении сырьевых приоритетов, гарантирующих высокие доходы власть имущим, «новая экономика» не просто будет маргинализироваться. Она будет искусственно сдерживаться – достаточно вспомнить регулярно появляющиеся слухи о регулировании доступа к

интернету. Ограничения экономических и политических свобод, прежде всего, свободы распространения и получения информации, возможно, приведут к политизации социальных групп, связанных с «новой экономикой». Причем социальный либерализм может оказаться еще недостаточно радикальным для российских интеллектуалов.

Проводниками социального либерализма могут быть люди **в исполнительной власти** и при ней, которые **заняты разработкой важнейших реформ**. Хотя пока они принимают аппаратные правила поведения и во многом повторяют технологические ошибки гайдаровского правительства, оставаясь ограниченно публичными политиками.

Социально-либеральные элементы проявляются в публикациях и в выступлениях некоторых олигархов. Далеко не все из них собираются мириться с тем, что им отведена роль public enemy (врагов народа). Речь не идет об известном письме Михаила Ходорковского из тюрьмы – рассматривать этот документ, учитывая обстоятельства его появления, вообще некорректно,. Гораздо интереснее та фразеология, к которой недавно прибег Олег Дерипаска:

«Бороться надо не с бедностью вообще, а решать конкретную задачу формирования условий, обеспечивающих людям равные возможности. Основным ориентиром для решения этой задачи должна стать социальная модернизация нашего общества. Это и есть путь к улучшению качества человеческого капитала».

«Сформировав систему равной реализации прав с помощью государства и негосударственных институтов (частных фондов и т.п.), которая обеспечит возможность подъема вверх по социальной лестнице высокомотивированным активным людям,

проводникам прогресса во всех отношениях, мы тем самым обеспечим основу долгосрочного, поступательного развития нашей страны».

«И далее под знаменем борьбы с бедностью сегодня все чаще апеллируют к результатам приватизации начала 90-х годов, скомпрометированным волной фактически бесплатной раздачи имущества. Наверх начинают рваться совсем оголтелые люди, единственное устремление которых – передел». (НГ, 19 февраля 2004).

Опасность ощущают все.

В настоящее время развитие страны может иметь три варианта.

Первый. Олигархи ставятся на службу силовикам, захватившим государство или заменяются их ставленниками. Собственность перераспределяется в пользу новой силы. Население успокаивается за счет дешевых, но эффективных мер. Малый и средний бизнес облагаются «серой данью». Делается все, чтобы сохранить позитивный имидж за рубежом.

Второй. Национал-социализм. В него может перерасти и первая модель. Как средство отвлечения народа от насущных проблем – разжигание ненависти к инородцам. Усиление репрессивных функций государства. Национализация как средство концентрации денежных потоков. Нарастание внешней агрессивности, изоляция, в перспективе - национальная катастрофа.

И **третий** – социальный либерализм.

Вполне возможно, что сейчас социально-либеральные построения подобны тому, чем занимался Людвиг Эрхард в 1936 году. Тогда, став частным лицом, он написал работу, по его собственным словам, «с изложением

экономических и финансовых мер, которые необходимо было принять после наступления краха».

Социум продолжает оставаться атомизированным, лишенным солидарности и даже потребности в солидарности. Свобода обретена, но не востребована. Но мы полагаем, что современные российские реалии несколько отличаются от ситуации в нацистской Германии за три года до второй мировой войны. И потому главным становится вопрос о механизмах перехода от посттоталитарно-рыночной к социально-либеральной модели развития России.

Вопрос состоит в том, удастся ли преодолеть разобщенность возможных носителей и проводников социального либерализма, возникнет ли необходимый медиа-аппарат, коммуникационная среда для такого исторического поворота. Вот именно с обсуждения этих проблем и следует, на наш взгляд, начать дискуссию о социальном либерализме.